

В И В Л І О Г Р А Ф І Я .

Russland als Ostmark des Kontinents im Kriege gegen Japan und...
1904—1905. Von Major v. R. Carl Bellmann Verlag. Prag, 1908,
стр. 241.

Заглавіе подкупаєть насъ сразу: авторъ подчеркиваетъ, что онъ видитъ въ Россіи авангардъ европейской цивилизаціи на восточномъ рубежѣ материка; онъ разсматриваетъ нашу войну съ японцами, какъ борьбу за европейское вліяніе, за европейскую культуру на далекомъ побережѣ Тихаго океана, борьбу, къ сожалѣнію, преждевременную, не достаточно подготовленную въ моральномъ и материальномъ отношеніяхъ.

Авторъ, австрійскій офицеръ, говоритъ слишкомъ искреннимъ тономъ, чтобы можно было предположить у него заднюю мысль—поощреніе насъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ въ Манчжуріи. Онъ указываетъ на то, какъ поплатилось положеніе Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ на Дальнемъ Востокѣ послѣ нашихъ неудачъ. Ударъ, полученный Россіей, былъ ударомъ для всей Европы. По своимъ политическимъ взглядамъ маіоръ ф. Р. стоитъ на точкѣ зрѣнія европейскаго патріотизма, которую еще такъ недавно блестяще развивалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Пишонъ, и которая такъ не вяжется съ послѣдними Балканскими событіями.

Книга маіора фонъ Р. содержитъ много интереснаго, содержитъ мнѣнія, которыя трудно было ожидать встрѣтить въ западно-европейской литературѣ, въ общемъ, относящейся такъ враждебно къ намъ. Маіоръ фонъ Р. требуетъ исторической правды, требуетъ безпристрастнаго отношенія къ событіямъ 1904—1905 года—первой русско-японской войны. Онъ приводитъ цитату изъ Полибія: «истина для исторіи то же самое, что глаза для животнаго; какъ животное становится негоднымъ, если у него вырвать глаза, такъ и исторія, лишенная правды, ни на что не нужна». Онъ указываетъ на то,

какъ вся европейская печать, прислушиваясь къ англійскому камертону, заразилась японофильствомъ и всѣми мѣрами рекламировала и прославляла нашего противника,—какъ черезъ это страдали интересы Россіи; быть можетъ это давленіе печати, говоритъ авторъ, и явилось рѣшающимъ элементомъ въ ряду причинъ, заставившихъ насъ заключить миръ.

Маіоръ фонъ Р. ставитъ себѣ задачу—безпристрастно разобраться въ событіяхъ прошлой войны. Общее увлеченіе японцами совершенно не захватило его; напротивъ, возмущаясь преклоненіемъ передъ азіатами, авторъ изъ чувства противорѣчія скорѣе къ нимъ несправедливъ. Въ книгѣ подобранъ рядъ фактовъ, указывающихъ на превосходство во многомъ нашего солдата надъ японскимъ. Книгу можно смѣло рекомендовать тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые упали духомъ и въ какомъ-то извращеніи всѣхъ понятій безмѣрно преклоняются передъ успѣхами еще недавно презираемаго противника; соотечественникамъ, которые создаютъ легенды о неодолимости японскихъ солдатъ и гипнотизируютъ себя ими. Во имя будущаго эти легенды намъ надо непременно разрушить.

Авторъ стремится доказать, что японцы одерживали успѣхи при численномъ перевѣсѣ въ силахъ; нѣсколько разъ онъ останавливается на томъ положеніи, что нервный японецъ—отвратительный стрѣлокъ въ бою, что русскіе, несмотря на недостатки въ обученіи, превосходили въ стрѣльбѣ своихъ враговъ. Многія положенія маіора ф. Р. весьма спорны; во всякомъ случаѣ мы можемъ быть только благодарны ему за то, что онъ подчеркнул лишній разъ всѣ выдающіяся качества нашего солдата.

Содержаніе книги довольно пестрое; она дѣлится на три части: первая содержитъ благожелательную намъ критику различныхъ положеній и выводовъ изъ нашей войны; вторая—очеркъ полководческой дѣятельности генерала Куропаткина, при чемъ авторъ даетъ сжатое изложеніе войны и въ связи съ событіями анализируетъ инструкции нашего командующаго манчжурской арміей; наконецъ, третья заключаетъ изслѣдованіе боевой дѣятельности современнаго ружейнаго огня.

Генералъ Куропаткинъ встрѣчаетъ въ маіорѣ ф. Р. убѣжденнаго защитника. И это не случайность: авторъ—типичный австріецъ по духу, а если попробовать углубиться въ австрійскую школу военной мысли, если снять съ нее все поверхностное, наносное, то во многомъ мы подойдемъ къ той стратегіи, къ которой обратился въ Манчжуріи генералъ Куропаткинъ. Война часто заставляла австрійцевъ неготовыми, часто имъ приходилось обороняться, постепенно отступая съ одной позиціи на другую; они знаютъ, что такое «терпѣніе».

Австрійская точка зрѣнія прекрасно подчеркивается слѣдующей выдержкой изъ сочиненій эрцъ-герцога Карла, поставленной въ видѣ эпиграфа къ главѣ о генералѣ Куропаткивѣ: «Суворовъ сдѣлалъ блестящій походъ ¹⁾, Моро—искусный; всѣ восхищаются первымъ, такъ какъ дѣйствія полководца оцѣниваютъ по преимуществу по результатамъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—по искусству. Русскій полководецъ располагалъ значительно превосходными силами и завоевалъ нѣсколько крѣпостей и большую область; французскій—сумѣлъ сохранить отъ гибели свою слабую армію и силой и хорошо рассчитанными маневрами задерживалъ успѣхи непріятеля».

Въ этихъ словахъ сквозитъ не только личная неприязнь эрцъ-герцога Карла къ Суворову. Это австрійскій символъ вѣры, который порой обнаруживается и теперь изъ подъ коры заимствованныхъ германскихъ идей. Это—апология терпѣнія и неудачъ, смягченныхъ искусствомъ. Блескъ Суворовскаго наступленія меркнетъ передъ терпѣніемъ; Суворовская энергія превращается въ грубую силу, менѣе достойную изученія, чѣмъ искусное отступленіе. Мы дали австрійцамъ за послѣднюю кампанію нѣсколько прекрасныхъ образцовъ искуснаго отступленія, и они прельщаются ихъ много больше, чѣмъ насъ...

Послѣдняя часть—изслѣдованіе боевой дѣйствительности современной магазинки—не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей послѣдней войнѣ. Авторъ широко пользуется примѣрами изъ прежнихъ кампаній. Эти главы пришиты къ книгѣ бѣлыми нитками, но затрагиваемые въ нихъ вопросы такъ важны и такъ мало разработаны, что пенять на это не приходится. Нужно помнить, что по теоретической разработкѣ техники ружейной стрѣльбы Австрія ушла значительно дальше другихъ государствъ. Въ Австріи стрѣлковая школа поставлена образцово; это отражается на австрійской военной литературѣ, гдѣ часто попадаются весьма содержательныя статьи о ружейномъ огнѣ въ бою.

Маіоръ фонъ Р. и тутъ держится оригинальныхъ взглядовъ; по-видимому, у него большое стремленіе къ парадоксамъ, большая наклонность идти поперекъ общаго теченія, наперекоръ установившимся мнѣніямъ. Существенный его выводъ изъ опыта послѣднихъ войнъ таковъ: всѣ заботятся объ увеличеніи настильности ружейнаго огня; на самомъ же дѣлѣ настильность приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Съ конечнымъ выводомъ согласиться трудно, но цѣлый рядъ мыслей заслуживаетъ вниманія. Авторъ указываетъ на то, что настильность важна при обстрѣливаніи высокихъ цѣлей, и что значеніе ея, по мѣрѣ уменьшенія роста цѣли, убываетъ; а въ современномъ бою ростъ цѣли очень не великъ, и часто вслѣдствіе при-

¹⁾ Италіанскій, 1799 года.

мѣненія къ мѣстности и окапыванія равенъ почти нулю. По перебѣгающей цѣли приходится стрѣлять минутами, а по лежачей—часами: большинство выстрѣловъ дается скорѣе по горизонтальной цѣли, чѣмъ по вертикальной.

Исходя изъ положенія теоріи вѣроятности, что чѣмъ большія ошибки возможны, тѣмъ чаще будутъ встрѣчаться большія ошибки, онъ указываетъ на то, что большія ошибки возможны при настильномъ ружьѣ, которое можетъ разбросать пули по полосѣ глубиною въ 6,000 шаговъ. При всякой ошибкѣ стрѣлка настильное ружье даетъ большее отклоненіе отъ цѣли. Принимая во вниманіе, что 90—95% стрѣлковъ вслѣдствіе волненія не могутъ цѣлиться и выпускаютъ пули подъ большими углами возвышенія, онъ находитъ, что чѣмъ настильнѣе ружье, тѣмъ скорѣе пули полетятъ черезъ головы атакующаго. Эти и другіе минусы, по мнѣнію майора фонъ Р., перевѣшиваютъ выгоды болѣе значительнаго поражаемаго пространства. Онъ ссылается на приказъ Наполеона III въ 1859 году, гласившій, что «новое оружіе опасно только на дальнихъ дистанціяхъ», и потому требовавшій болѣе энергичнаго и живого наступленія пѣхоты въ бою.

Военная исторія дѣйствительно какъ бы подтверждаетъ эти выводы: по мѣрѣ увеличенія настильности боевая дѣйствительность ружейнаго огня падаетъ. Въ войнахъ 1859, 1866, 1870—1871, 1877—1878 годовъ побѣдитель обладалъ менѣе настильнымъ ружьемъ. Японцы въ 1894—1895 годахъ имѣли на вооруженіе 11 миллиметровое ружье Мурата, и въ общемъ въ бояхъ съ китайцами выбивали 0,15—0,25 % пораженій; въ русско-японскую же войну, имѣя крайне настильную 6,5 миллиметровую винтовку, они выбивали только 0,03%,—въ 5—8 разъ меньше. Конечно, майоръ фонъ Р. недостаточно оцѣниваетъ измѣнившуюся обстановку боя—новые строи, окопы, маскировку, увеличившіяся дистанціи, противодѣйствіе непріятеля. Онъ недоволенъ современной магазинкой; но нельзя же проектировать ружье для тѣхъ 90—95% ошалѣвающихъ въ бою солдатъ, которые не могутъ цѣлиться. Выгодами совершеннаго оружія въ тяжелыя минуты боя можетъ воспользоваться, правда, лишь небольшая часть хладнокровныхъ хорошихъ стрѣлковъ.

Объ оружейной техникѣ мы судимъ почти исключительно по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя своевременно были почерпнуты нами изъ учебниковъ. Поэтому обвиненіе въ сверхнастильности многимъ покажется чуть ли не верхомъ нелѣпости. Несомнѣнно однако, что современное ружье не отвѣчаетъ нервной, напряженной до крайности обстановкѣ боя на короткихъ разстояніяхъ. Въ ближнемъ бою ружье въ рукахъ большинства солдатъ обращается въ простую палку. При гладкихъ ружьяхъ, когда рота давала залпъ—безразлично, какъ бы не цѣли-

лись стрѣлки, впереди шаговъ на 300 получалась полоса извѣстнаго картечнаго дѣйствія, гдѣ пули рикошетировали довольно густо. Теперь такой залпъ весь пойдетъ черезъ головы. Появленіе ручныхъ гранатъ для боя на ближнихъ дистанціяхъ вовсе не случайность, не капризъ войскъ, какъ полагають многіе, а именно слѣдствіе этой неудовлетворительности настильнаго ружья для ближняго боя.—Не всѣ выводы автора слѣдуетъ понимать буквально. Интересующіеся стрѣлковымъ дѣломъ во всякомъ случаѣ прочтутъ эти страницы съ большимъ интересомъ.

Изъ приложеннаго въ концѣ книги списка источниковъ видно, что авторъ пользовался только сочиненіями на нѣмецкомъ языкѣ; незнакомство его съ русскими данными объясняетъ нѣсколько ошибочныхъ положеній его труда.

У маіора ф. Р. встрѣчаются страницы различнаго достоинства; неудачныхъ не менѣе, чѣмъ удачныхъ. Но надо отмѣтить и крупный плюсъ: такъ много однообразно-односторонняго было написано о нашей прошлой войнѣ; при чтеніи ряда сочиненій получается впечатлѣніе дружнаго утомительнаго хора, притупляющаго вниманіе. Голосъ маіора ф. Р. не принадлежитъ къ этому хору; въ его трудѣ много свѣжихъ, самостоятельныхъ нотъ, и потому онъ имѣетъ право на особое вниманіе читающаго общества.

А. С—инъ.

Изъ иностранной периодической литературы.

Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine.
Октябрь. Смѣна тактическихъ воззрѣній, капитана Ауверсъ.

Всѣмъ намъ приходилось слышать утвержденія, что тактика простая болтовня. Лица, отвергающія военную науку, встрѣчаются не только въ глухихъ гарнизонахъ нашего обширнаго отечества, но и въ центрахъ, иногда на постахъ руководящаго значенія. На практикѣ мы часто руководимся началами, не имѣющими ничего общаго съ военной наукой.

Мнѣ помнится, какъ меня учили полевой фортификаціи: теоретически устанавливали одну профиль для укрѣпленій, а затѣмъ говорили, что по наставленію для войскового окопнаго дѣла въ полѣ дѣлается совершенно другое.—То же отчасти происходитъ и въ тактикѣ. Много еще надо въ нашей арміи поработать, чтобы тактика вышла изъ подчиненнаго положенія.

Капитанъ Ауверсъ находится въ другихъ условіяхъ; онъ чувствуетъ въ германской арміи подъ тактикой твердую почву. Мысль

его представляют большой интересъ, хотя его исходная точка зрѣнія далека отъ насъ.

Быстро развивающаяся техника получила за послѣдніе годы огромное вліяніе и стремится—какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ—получить преобладающее значеніе. Техника стремится захватить руководящую роль, представляя тактикѣ только служебную. Это стремленіе олицетворяется въ извѣстномъ выраженіи: «новое оружіе—новая тактика». Тактикѣ отводится второе мѣсто; противъ этого умаленія ея передъ техникой и ополчился Ауверсъ.

Тактическія воззрѣнія зависятъ не только отъ оружія, но и отъ нашихъ представленій о томъ, какъ можно использовать это оружіе. Каждый мыслить по своему, и при одномъ и томъ же оружіи представленія о немъ различны. На этой почвѣ подготавливаются и блестящіе успѣхи генія, и катастрофы плохо руководимыхъ народовъ. Тактика не должна слѣпо примѣняться къ существующимъ условіямъ на полѣ сраженія; она должна создать выгодныя для насъ условія. Тактика должна ставить задачи, техника—ихъ разрѣшать; только при этомъ условіи можетъ создаться здоровое тактическое направленіе, соответствующее народному духу.

Если въ народѣ и его вождяхъ твердо установилось мнѣніе, что наступленіе представляетъ выгоднѣйшую форму борьбы, такъ какъ только при наступленіи можетъ развернуться вполне духовная мощь бойцовъ, то этому народу нельзя дать въ руки оружія, предназначеннаго главнымъ образомъ для обороны.—На мой взглядъ, въ этомъ отношеніи въ нашей арміи глубокая пропасть раздѣляетъ теорію и практику: въ теоріи только и говорится о выгодахъ наступленія и «подлости» обороны, а на практикѣ любое оружіе въ нашей арміи передѣлывается на оборонительный ладъ. Отказъ отъ гранаты въ полевой артиллеріи—это чисто оборонительное ухищреніе. Тяжелыи—6 и 8 дюймовыя гаубицы—чисто наступательное оружіе; цѣль ихъ—разносить своими бомбами укрытія противника въ пунктѣ атаки. Въ Германіи они стрѣляютъ только бомбами; а мы и ихъ, и только что вводимую 48 линейную гаубицу передѣлали на оборонительный ладъ. подѣ шрапнель. Это одинъ изъ тысячи примѣровъ того, какъ наша оборонительная техника влечетъ и тактику на путь обороны.

Проектируемое оружіе, продолжаетъ Ауверсъ, не должно имѣть абсолютно высшія баллистическія качества; нужно, чтобы оно было наиболѣе дѣйствительно по встрѣчающимся въ бою цѣлямъ; тактика должна установить для него заданіе.

Изученіе военной исторіи должно предохранить насъ отъ заблужденія, что всякое тактическое развитіе находится въ зависимости отъ измѣненія свойствъ оружія. Самое большое измѣненіе въ тактикѣ—переходъ отъ линейнаго порядка къ бою въ рассыпномъ строю—

произошло без всякаго измѣненія техники оружія. Солдаты французскихъ революціонныхъ армій не были подготовлены къ бою въ линейномъ порядкѣ. Но они были настоящими солдатами, такъ какъ любили отечество и умѣли обращаться съ ружьемъ. Въ разсыпномъ строю они дрались по необходимости; геніальный взглядъ Наполеона призналъ въ новыхъ формахъ ростки правильнаго тактическаго развитія; Наполеонъ воспиталъ ихъ соответствующимъ образомъ и создалъ новую тактику. Пушки императора стрѣляли не дальше, чѣмъ пушки его предшественниковъ, генераловъ французской революціи; и съ тѣми же пушками Наполеонъ создаетъ совершенно новую тактику артилеріи, которая измѣнила картину полей сраженія.

Во время войны съ бурами англичане въ корнѣ измѣнили свою тактику; оружіе оставалось прежнее. Въ русско-японскую войну артилерія обѣихъ сторонъ отъ боя съ открытыхъ позицій на ближнихъ и среднихъ дистанціяхъ перешла къ бою на большихъ дистанціяхъ, съ закрытыхъ позицій.

Мы видимъ, что представленія о томъ, какъ можно использовать оружіе, видоизмѣняются и подъ вліяніемъ генія, и подъ вліяніемъ опыта войны, толкуемаго иногда ошибочно. Прогрессъ тактики не равномеренъ; существуетъ цѣлый рядъ причинъ, препятствующихъ плавному ея развитію.

Путемъ логическаго мышленія трудно представить себѣ условія веденія боя. На стрѣльбищѣ легко придти къ извѣстнымъ выводамъ о дѣйствительности ружейнаго огня; а нѣкоторые вопросы стрѣлковаго дѣла въ бою остаются спорными и до сихъ поръ, не смотря на то, что надъ ними работали нѣсколько поколѣній.

Когда приходится считаться съ моральной стороною, рѣшеніе становится еще труднѣе. Не выясненъ вопросъ о содѣйствіи артилеріи при атакѣ укрѣпленныхъ позицій. Что болѣе важно, подготовка рѣшительной схватки пѣхоты, или помощь ей въ минуту рѣшительной борьбы? Въ зависимости отъ рѣшенія этого чисто тактическаго вопроса ставятся различныя требованія къ артилерійскому срудію: для подготовки наступленія нуженъ бомбовый огонь, нужны гаубицы, хотя бы 42-линейнаго калибра; для того же, чтобы поддерживать наступленіе пѣхоты, обстрѣливая высывающіяся изъ-за бруствера головы, нужна настільная шрапнель трехдюймовой пушки. Гаубица болѣе отвѣчаетъ стремленію наступать, но она хуже поддерживаетъ пѣхоту въ поляный превратностей періодъ рѣшительной борьбы. Дѣло тактики обсудить, въ какой поддержкѣ пѣхота болѣе нуждается.

Пока, разбирая отношеніе тактики къ различнымъ техническимъ вопросамъ, мы рассматривали свойства бойца какъ извѣстную определенную данную. Возникнуть новыя осложненія, если мы будемъ видѣть въ нихъ данную измѣняющуюся, если мы поставимъ вопросъ, достаточно

ли созрѣлъ боецъ для новаго образца оружія, или для новаго способа его употребленія. Теперь уже имѣются годные для боевыхъ цѣлей образцы автоматическихъ ружей. Однако еще затрудняются ввести ихъ на вооруженіе: не установлено, достигло ли развитіе самостоятельности стрѣлка достаточной степени, чтобы ему можно было довѣрить такое утонченное оружіе. Какіе ожесточенные споры велись въ свое время на аналогичную тему о запахахъ, о боѣ въ разсыпномъ строю! Говорили, что пѣхотинецъ можетъ разумно стрѣлять только по командѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника; самостоятельность, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должна была повести только къ безтолковому изводу патроновъ.

На той же почвѣ психологіи стоитъ и вопросъ объ артилерійскихъ позиціяхъ. Артилеристъ на закрытой позиціи, обстрѣливаемый и обстрѣливаемый невидимымъ врагомъ, испытываетъ нервное напряженіе, на подобіе механика на миноносцѣ, который слышитъ, но не видитъ боя, догадывается, но не измѣряетъ взглядомъ опасность. Закрытыя позиціи несомнѣнно наносятъ ущербъ наступательнымъ стремленіямъ, но за то даютъ экономію въ потеряхъ. Возмѣщается ли минусъ плюсомъ, этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, должна рѣшить тактика, а не техника.

Правильному развитію тактики иногда препятствуютъ традиціи, когда, не ограничиваясь вопросами моральнаго и духовнаго порядка, онѣ вторгаются въ область разрѣшенія практическихъ задачъ. Пруссаки подъ Іеной и мы подъ Севастополемъ дорогой цѣной заплатили за пережившія свое время тактическія традиціи. Помѣхой являются и иллюзіи мирнаго времени, условности маневровъ; нужно помнить также, что въ мирное время часто и охотно практикуются въ болѣе трудныхъ, болѣе рѣдко примѣнимыхъ на войнѣ отдѣлахъ обученія. Такъ, кавалерія въ мирное время предпочитаетъ пѣшему бою атаку въ конномъ строю.

Во всякомъ случаѣ, съ новымъ оружіемъ новая тактика не появляется внезапно, вся сразу, какъ Афина изъ головы Зевса. Новое оружіе ставитъ тактикѣ тяжелый, отвѣтственный вопросъ, можетъ ли оно и какъ быть использовано.

Выше указанъ былъ цѣлый рядъ серьезныхъ затрудненій при рѣшеніи этого вопроса. Иногда думаютъ, что всѣ эти теоретическія затрудненія легко разрѣшаются войной. Съ этимъ согласиться нельзя. Выводы изъ боевого опыта очень важны, но въ нихъ заключается множество недоразумѣній. Изученіе военной исторіи—наиболѣе тяжелое и наиболѣе опасное изслѣдованіе. При изученіи событій послѣдняго времени трудно встать на правильную, объективную точку зрѣнія; при изученіи же событій, отодвинувшихся болѣе въ прошлое, трудно изъ готовой ткани исторіи выдернуть отдѣльныя нити, не поз-

вредная прочихъ. Военная исторія труднѣе всякой другой исторіи, такъ какъ нѣтъ безпристрастныхъ свидѣтелей боевыхъ событій. Гости—военные агенты—не достаточно чувствуютъ пульсъ боя; побѣдителю нравится его оружіе, его строи; онъ не видитъ надобности въ какихъ либо реформахъ; побѣжденный, не разобравшись въ боевомъ опытѣ, отвергаетъ все, что у него было—и хорошее, и дурное.

Примѣромъ явно ошибочнаго толкованія боевого опыта являются выводы австрійцевъ изъ кампаніи 1859 года. Чрезвычайно закрытая мѣстность Ломбардской низменности до крайности ограничивала обстрѣлъ, что дало перевѣсъ французской механической ударной тактикѣ надъ австрійской линейной. Австрійцы признали это и рѣшили, что побѣдоносныя французскія колонны къ атакѣ указываютъ имъ путь, какъ одержать побѣду при любыхъ обстоятельствахъ. Они сгустили свои построения и ввели въ 1866 году огромныя сомкнутыя части подъ огонь прусскихъ заряжающихся съ казны винтовокъ.

Въ Германіи сомкнутые строи изъ передней линіи наступленія были изгнаны въ періодъ глубокаго мира, въ 1888 г. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ не по боевому опыту, а подъ давленіемъ силы теоретическихъ доказательствъ.

Принцъ Гогенлоэ разсказываетъ, какъ кронпринцъ Прусскій въ 1864 году спросилъ солдатъ, когда они строятся въ три шеренги, по уставу, и получилъ отвѣтъ: только при распредѣленіи по квартирамъ. И все же, третья шеренга не была исключена по боевому опыту и сохранялась до 1888 года.

Въ артилеріи выводы боевого опыта воспринимаются въ общемъ скорѣе и дружнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Во первыхъ, приходится считаться не съ отдѣльными, а съ коллективными личностями—съ прислугой орудія; во вторыхъ, артилерія непосредственнаго участія въ наступленіи не принимаетъ, и потому остается чуждой этой области, въ которой и возникаетъ большинство сомнительныхъ психологическихъ вопросовъ. Прусскія артилерія къ 1870 году успѣваетъ уже вполне использовать опытъ 1866 года.

Нужно отбросить заблужденіе, что отжившія формы не могутъ возродиться вновь. Въ противность этому совершается кругообращеніе всего человѣчества: новое зарождается въ явномъ или неявномъ противорѣчій со старымъ, которое оно стремится продолжить или превзойти. Обстоятельства измѣняются такъ, что бывшее невозможнымъ прежде становится возможнымъ теперь. Французскія предложенія придавать баталіонамъ щитовыя орудія возвращаютъ насъ ко временамъ Великаго Фридриха; изъ за сорокалѣтняго забвенія встаетъ вопросъ о резервной артилеріи...

Не изготовленіе новаго оружія, а наши идеи о возможности использовать его создаютъ новую тактику. Со сколькоими противорѣчіями приходится при этомъ встрѣчаться; сколько является сомнѣній и ошибокъ! Чтобы не сбиться съ правильнаго пути всегда надо тактику выдвигать на первое мѣсто; всегда тактика должна ясно указывать цѣль—побѣдоносное наступленіе — и ставить технику вытекающія изъ этого задачи. Тактика не должна примѣняться къ слабостямъ вѣроятнаго противника: это путь обороны, путь самоподчиненія инициативѣ врага. Только абсолютно сильнѣйшая форма тактики даетъ ту увѣренность, которая обуславливаетъ чувства несвязанности и превосходства надъ противникомъ. Всегда этого пути держались побѣдоносные народы.

Это пѣснь торжествующей теоріи, торжествующей тактики...

А. Свѣчинъ.

